

Олег ЕФРЕМОВ:

ЖИВУЩИЕ СИЛЬНЫМИ ЧУВСТВАМИ

ДЕСЯТКИ киноролей на счету народного артиста РСФСР Олега Ефремова, актера и режиссера театра «Современник». Калейдоскоп ролей, казалось бы, очень разных и тем не менее прочно связанных между собой единством внутренней, «ефремовской» темы — они принесли актеру и известность, и благодарность зрителей.

Что же это за тема? Что объединяет, скажем, толстовского лихого гуляку и скандалиста, отчаянного Долохова и шофера московского такси из «Трех тополей» на Плющихе», следователя Подберезовикова и доктора Айболита?

Но сначала задаем более общий вопрос:

— Как вы относитесь к кино, любите ли сниматься?

— Да. Люблю, — отвечает Олег Николаевич. — И очень. Для меня кино — это одуховит в напряженной театральной работе. Я не хочу сказать, что труд в кино легкий. Просто несколько другой, а в чем-то и принципиально новый...

— В чем же?

— Ну, скажем, кино всегда документально, истинно. В театре мне все надо «представить», создать для самого себя обстановку — лес, поле, бой, берег реки, завод. В кино же я играю в обстановке совершенно реальной: если это болото, так болото, и ноги мокрые, и сырость вокруг. Если бой — то вокруг гремят выстрелы, режут настоящие танки... Иногда даже опасность реальна. Словом, из искусственного, условного мира театра, где истинными являются главным образом чувства героя, переносишься в подлинные обстоятельства, прикасаешься к жизни. А это необходимо театральному актеру. Не случайно же после съемок я испытываю своеобразное чувство обновления.

Актер не может жить только в мире декораций, мире неизбежно вторичном, не может существовать без тесного соприкосновения с реальной жизнью. Съемки в кино, поездки, связанные с ними, недели экспедиций, насыщенные встречи, — все это отличная «встряска», и творческий заряд, который она дает, трудно переоценить. Очень

люблю сниматься на натуре, ездить по стране, видеть людей, говорить с ними. Ведь времени для самостоятельных «стихийных» путешествий остается мало, слишком мало.

— Не этим ли объясняется тот факт, что вы не очень часто снимаетесь в больших, главных ролях в кино: не хватает времени?

— Конечно. Только этим. Предложений много. Но я не могу надолго отрываться от своего театра. Все-таки здесь мое основное, боевое место.

— Хочется задать вам вопрос о взаимоотношениях актера и режиссера в кино.

— То есть, не подавляет ли режиссура актера?

— Да, если хотите...

— Ну, все зависит от личности режиссера. Хороший режиссер всегда помогает актеру полнее раскрыться, вдохновляет его на импровизацию, конечно, в рамках режиссерского замысла.

Та свобода, то право на импровизацию, о которых говорил Олег Николаевич, используется в его актерской практике сплошь и рядом. Зрителю, а часто и критику это неизвестно — важен общий результат, общее впечатление от образа. Но и в этой нашей короткой беседе мы узнаем кое-какие «тайны» творческой лаборатории фильма. Вот история одного из эпизодов недавно прошедшей по экранам картины «Мама вышла замуж», картины, кото-

рую многие справедливо критиковали, но в которой представляет бесспорный интерес работа Ефремова над образом Виктора. Диалог, о котором пойдет речь, уже отмечался в печати в качестве удачи.

Напоминаю Олегу Николаевичу об этом. И здесь выясняется любопытная деталь.

— Я же сам придумал этот диалог, — неожиданно сообщает Ефремов. — Понимаете, Виктор, мой герой, простой парень, живущий ясными и четко очерченными интересами, полюбил женщину, у которой взрослый сын, намерен на ней жениться. Виктору хочется найти точки соприкосновения с Борисом — начитанным, и, как это теперь часто бывает со старшеклассниками, склонным к некоторой усложненности в восприятии. Итак, я — Виктор, вхожу в комнату Бориса. Я чуть смущен, стараюсь «завязать разговор». Мне очень лужет здесь какой-то диалог (его пока нет в сценарии), где ощущалась бы и психологическая сложность, и скованность Виктора перед мальчишкой, сыном любимой женщины, угловатым и ершистым, не желающим принимать нового человека, ревнующим мать к пришельцу.

Витя: ...Я давно хотел спросить... Вот это кто?
Боря: Экзюперн.
Витя: Кто?
Боря: Антуан де Сент-Экзюперн.
Витя: А за кого он играл?
Боря: Это не футболист, это писатель, книги писал...
Витя: Хорошие книжки?
Боря: Да...
Витя: Почитаем...
Боря: У меня нет библиотеки.
Витя: Запишемся.

— Так это и была ваша импровизация — та самая, о которой вы говорили?

— Да, тот счастливый случай, когда получилось, по-моему, неплохо.

Маленький эпизод, но он оказался живым и хоть незначительным на первый взгляд, а емким и выразительным. Родился же от «прикидки», от сверки образа с жизнью. История эта кажется типичной, потому и уделено ей здесь столько места.

О специфике работы в театре и кино каждый актер говорит по-своему.

— Есть ли, все-таки, разница в этой работе?

— И да, и нет, — отвечает Ефремов. — Собственно, когда идут съемки, перед камерой разыгрываются эпизоды будущего фильма, — это еще не кино, а тот же театр. Кино начинается, когда режиссер садится за монтажный стол.

На съемках мне мешает отсутствие зрителей. Все свои кинороли я играю для членов съемочной группы, а не для безмолвной камеры. Для меня необходим контакт со зрителем. В театре я сразу чувствую, когда теряю или нахожу этот контакт, когда вспыхивает эта «вольтова дуга» между актером и зрителем, — в этом все театральное искусство.

— И еще один вопрос, Олег Николаевич: помогите определить то общее, что объединяет ваши самые разные роли.

Олег Ефремов задумывается. — Ну, об этом не мне судить —

это дело критиков... Конечно, я берусь далеко не за любую роль, предложенную мне. Все мои герои — люди, живущие сильными чувствами; правые или нет, объективно они всегда правы перед собой, не врут в своих чувствах. Вот главное, по-моему. Их мысли, их сомнения, их страсти близки нам и потому современны. Это относится и к героям классики, да, да! Классическое произведение только тогда интересно, когда оно прочитано с позиций современности. Я говорю не о поверхностной злободневности, а именно о духовной переключке классики с современностью. Только тогда произведение оказывается интересным и нужным нам сегодня.

— А что вы считаете современным в современности?

— Прежде всего борьбу за человеческие идеалы, борьбу против замыкания человека в узкие рамки, в клетку своего благополучия. Сегодня все должно касаться всех.

— Именно с этих позиций вы и ставите сейчас чеховскую «Чайку» в своем театре?

— Именно.

Олег Николаевич спешит на репетицию — уже несколько раз разные люди заглядывали в его кабинет, сообщали, что «все готово».

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ.

Фото А. Абаза.